

Можно считать этот доклад сильно развернутой репликой на спор двух представленных на Зимней академии «Видеть Европу», состоявшейся в Вологде в феврале 2001 года, стратегий, классической семиотической стратегии понимания живописного образа и неклассической стратегии понимания кинообраза. С благодарностью профессорам Карлу Аймермахеру и Олегу Аронсону —

Н. Воронина

Непредставимое и метаязык

Рефлексия и дистанцирование по отношению к предметному слою, возможность метапозиции маркирует позицию субъекта в классическом дискурсе. Так, классическая стратегия понимания образа исходит из возможности сохранять дистанцию по отношению к интерпретируемой реальности. Эта дистанция позволяет достоверно и объективно судить, какие элементы в данном произведении или для данного автора являются «знаками» и что они означают. Знаками могут быть только повторяющиеся элементы — или повторяющиеся в культуре, или повторяющиеся в творчестве этого художника, или встречающиеся хотя бы дважды в ткани вот этого произведения.

Знак не может быть абсолютно уникальным и неповторимым. Сошлемся на анализ повторяемости знака у Дерриды: «Знак никогда не является событием, если под событием мы подразумеваем незаменимое и необратимое эмпирическое обстоятельство. Знак, который имел бы место только «раз», не был бы знаком. Означающее (вообще) должно быть формально узнаваемо, несмотря на и сквозь инаковость эмпирических характеристик, которые могут его изменять»¹. Узна-

¹ *Деррида Ж. ГОЛОС И ФЕНОМЕН и другие работы по теории знака Гуссерля.* — СПб.: Алетейя, 1999. — С. 69.

ваемость требует идентичности знака «поверх» эмпирических различий. То есть эмпирический случай означивания возможен благодаря идентичности идеальной формы знака, узнаваемого поверх эмпирических частных и отклонений. Ситуация означивания есть ситуация репрезентации: эмпирический случай замещает и представляет идеальную форму знака, а также замещает и представляет «саму вещь». (Деррида возражает Гуссерлю в том пункте, что для Гуссерля не всякая ситуация означивания предполагает представление, а только выражение, в то время как указание и коммуникация не предполагают репрезентации как *Vorstellung*. Деррида же пишет, что знаковая ситуация есть в любом случае ситуация репрезентации.)

Для нас важно в этом анализе утверждение невозможности уникального знака. Если бы знак как неповторимое и уникальное событие был возможен, тогда контролировать дистанцию по отношению к «вещам самим по себе» было бы нельзя, в известном смысле такой «знак» стал бы «самой вещью», стал бы событием самой вещи. Действительно, именно узнавание знака в качестве знака конституирует отношение к нему не как к «самой вещи», а как к тому, что ее репрезентирует и опосредует в восприятии. **Дело же состоит в том, что сам поиск повторения данного элемента, поиск «знаков» задает и поддерживает отстраненность, удерживает мета-позицию интерпретатора-семиотика.** Его стратегия заключается в выполнении уравнивания эмпирически воспринимаемого элемента с искомым «X», благодаря чему эмпирически воспринимаемое может значить что-то конкретное, иметь определенное значение, известное значение. Даже если «X» не найден, и эмпирически воспринятый элемент ни разу больше не повторился, этот элемент остался включенным в структуру поиска его идеального и реального двойника, он остался как бы потенциально уже повторенным, отрепетированным в качестве знака. А мы, выполнявшие такую стратегию, — дистанцированными, не замороженными, не поглощенными созерцанием этого элемента.

Противоположная, «неклассическая», стратегия настаивает на том, что удержание структуры означивания лишает нас

главного удовольствия от восприятия образа. Новое, Другое с большой буквы, входит в ткань образа неконтролируемо, как нечто смутное, трудноуловимое, но это то, что именно захватывает нас и вовлекает в чистое становление, неразложимое на кадры-фотографии, что меняет нас, и ради чего мы посмотрим, скажем, кино.

Захваченность как неклассическая позиция и катарсис как классическое переживание кажутся сходными, различающимися только относительно, так сказать, количественно. Чем иным является катарсис, как не выделенным моментом захваченности «самими вещами», моментом преобразования ума, изменения сознания. Это изменение обустроивается специально всей структурой произведения. Для «неклассической захваченности» вместо структуры нужна некая «отвязность», ускользание определенности — вот сейчас произойдет что-то определенное, узнаваемое... Дрейф смысла является не выделенным, а всеобщим, тотальным свойством неклассического текста.

В массовом искусстве нарушение классических требований связано еще и с выбором таких тем и мотивов, пафос которых слишком силен, из-за чего трудно избежать вовлеченности, и трудно выстроить дистанцию. Стало быть, **специальный акцент на захваченности означает некоторое качественное изменение: исчезает опосредование формой: проваливаясь в измерение «самих вещей». Замороженность встает на место суждения вкуса.** Невозможность суждения вкуса связана с невозможностью задержаться на опосредовании, — мы соучаствуем в происходящем и оно — в нас. Надо было бы привлекать замороженных зрителей к ответственности за преступление (этой дистанции), они втянуты в реальность «самих вещей». Пока они втянуты, они не могут судить — это смерть суждения как фундамента классической субъективности. Рассудок с его способностью суждения — привилегия трансцендентального субъекта классической эпохи. Там все нацелено на суждение, само аффицирование вторично и служит суждению. Позиция классического субъекта — властная. Классический мир замер в распе трагического момента

амеханики², дожидаясь суждения «свидетеля и судии» — «открывшего сознание» европейца, кристаллизовавшегося впоследствии в новоевропейском субъекте. В постклассическую эпоху позиции инверсированы, — заморожен не мир, а бывший субъект, он без разбора строит себя из всего, что мелькает, из всего, что его заворачивает. **Да, здесь нет места суждению, а есть место удовольствию, поскольку это жизненный момент построения себя. Но это удовольствие сродни пищеварительному, это буквально понятий, а не метафорический «эстетический вкус».**

Итак, какую цену мы платим за удовольствие? — Лишаем возможности суждения. Но тогда судить должен кто-то другой, а замороженный должен стать подсудимым. Вопрос — есть ли для этого подсудимогоотягчающее обстоятельство в виде умысла или он «наильно втянут» в реальность? Разве это не он страстно стремился «к самим вещам»? Чего хотели, теперь имеем, — достигли измерения «самих вещей», в смысле — стали ими. Мы попали в искомый момент начала, или даже предвкушения мысли: «Ибо мы можем мыслить, становясь чем-то иным, немыслящим, — животным, растением, молекулой, элементарной частицей», которые дают мысли новый толчок»³.

Стратегия неклассического интерпретатора — поиск смутных и неповторимых образов, находящихся на периферии восприятия, сопровождаемых непосредственной вовлеченностью переживания. Правда, нарочитость *поиска* грозит перенести эти образы в центр так сфокусированного внимания, перенести с периферии в центр и, включая в структуру поиска их определенного значения, сделать знаками, перевести в структуру представления и дистанции. Есть опасность, что это станет специальной позицией, мета-позицией поиска маргинального. Тогда мы имеем не что иное, как инверсию слабых терми-

² См.: Ахутин А. В. Открытие сознания (древнегреческая трагедия и философия) // Ахутин А. В. Тяжба о бытии: Сб. филос. работ. — М.: Русское феноменологич. о-во, 1997. — С. 117–160.

³ Делез Ж., Гваттари. Ф. Что такое философия? — М.: Ин-т эксперим. социол., — СПб.: Алетейя. — С. 57.

нов в сильные внутри классической мета-позиции субъекта.

Итак, вопрос, встающий в связи с этим спором, — как представить, обозначить, преподать, очертить непредставимое? Как быть с мета-позицией субъекта?

Метаязык и субъективность

Вопрос о возможности или невозможности дистанции связан с проблемой метаязыка. Тезис о несуществовании метаязыка — постструктуралистский. Но понимание этого тезиса различно у тех, кто его разделяет. И эти различия связаны с разным пониманием субъективности. С. Жижек в «Возвышенном объекте идеологии» пишет в этой связи о позиции Лакана. Субъект у Лакана должен быть найден внутри концептуальной структуры означивания. В этой структуре он проявляется как *место, с которого мы говорим*. Причем — пустое место, дырка в структуре, выявляющая ее относительный характер, заставляющая кроме оппозиции означаемого и означающего вводить еще измерение Реального, Вещи, Субъекта. Всего лишь пустое место, просто отсутствие, просто зияние, но такое, которое *держит* всю структуру означивания.

Анализ Жижека показывает, что, с одной стороны, Лакан — более классичен, чем постструктуралисты, поскольку он не отказывается от своеобразно понятой «метафизики присутствия», а также от измерения истины, которое не предполагает сведения ее к текстовому *эффекту истины*. С другой стороны, он — более неклассичен, поскольку последовательно избегает метаязыковой позиции. Хотя Лакан разделяет тезис «метаязыка не существует», но Жижек тем не менее не считает Лакана постструктуралистом. Жижек блестяще демонстрирует, что **у постструктуралистов имеет место именно предельно жесткая метаязыковая, рефлексивная позиция и тезис «метаязыка не существует» произносится с мета-уровня**. Тем самым поэтика постструктурализма оказывается показной: «...все попытки избежать чисто теоретических форм выражения мысли и применять риторические приемы, присутствующие в основном литературе, — все это призвано скрыть тот раздражающий факт, что в основании постструктуралист-

ских построений находится жесткая теоретическая конструкция, которая с полным правом может быть определена как чисто метаязыковая»⁴. Разве можно не заметить, пишет Жижек, что упорство, с которым постструктуралисты настаивают на том, что любой текст, включая их собственные, предельно двусмыслен, обречен на «рассеивание», свидетельствует о том, что как раз то место, с которого они говорят сами, и является защищенным.

Таким образом, различие между Лаканом и постструктуралистами состоит в неодинаковой буквальности понимания указанного тезиса. Для **постструктурализма любое «объективное» заключение самодистанцировано** и содержит отклонение от своего буквального смысла. **А обычный язык, содержащий внутри себя это самодистанцирование, и является одновременно своим собственным метаязыком**, отсюда бесконечная игра самоинтерпретации. Так что метаязыка не совсем не существует, он смешивается с языком-объектом как момент его неоднозначности и самодистанцирования.

Лакан же понимает тезис буквально в смысле несуществования метаязыка в структуре означивания. «Дистанция» между языком и мета-языком — не может быть внутриязыковым явлением. Для Лакана существует объективный, не относящийся к знаковому уровню «референт» говорения, отмечает Жижек⁵. То есть для Лакана кроме знаковой реальности есть еще топологическая реальность пустого места говорения — точки пристежки означающих.

Метаязык для Лакана — это не языковое измерение, а измерение Реального⁶. «Метаязыка не существует», потому что нельзя иметь, присвоить позицию Реального, специально встать на нее, а метаязык в классическом смысле — это, несомненно, специальное предприятие. Собственно, специфика позиции Лакана состоит, видимо, в том (это гипотеза), что язык понимается не как то, что означает предмет или выражает мысль-о предмете, а как выражение некоего неконтролиру-

⁴ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. — С. 157.

⁵ Там же. — С. 160.

⁶ Там же. — С. 158.

емого единства говорящего, говоримого и о-говариваемого.

Среди метаязыковых высказываний у Жижека фигурируют два типа — абсурдные, но классически-метаязыковые и неабсурдные, но и не метаязыковые, а лишь кажущиеся таковыми. Классические метаязыковые — находятся не в измерении Реального, а в измерении означающего и предстают как невозможный абсурд, если отнести их к измерению Реального. В своей откровенной абсурдности они становятся воплощением своей собственной невозможности, пишет Жижек⁷.

К классическим метаязыковым суждениям относятся, например, такого рода «объективные» самооценки, как — *я скромн*; или — *слава Тебе, Господи, что я не такой грешник, как этот мытарь*; или — предложенный Жижекком пример брехтовского невозможного капиталиста, выходящего на сцену и говорящего: «Я капиталист, моя цель — эксплуатация трудящихся». Здесь есть рефлексия-оглядка, предполагающая переход в «объективную» метапозицию, в которой «Я» дистанцируется от себя и оценивает себя «объективно». И пока «Я» выделяет все эти процедуры остановки, самодистанцирования и оглядки, тот, кто действительно говорит, проговаривается о своем новом месте, занятом в измерении Реального. Потеря скромности скромным, фарисейство фарисея или абсурдность капиталиста — такова цена этих попыток мета-языка. В этом смысле метаязык абсурден, невозможен.

Но нельзя и уклониться от измерения Реального: любой метаязык или то, что им кажется, проговаривается о месте, с которого мы говорим *сейчас*, и теряет тем самым свою метапозицию. **То, что кажется метаязыком, оказывается языком-объектом.** Примером кажущихся метаязыковыми суждений у Жижека является надпись под картиной «Ленин в Польше»⁸. «А где Ленин?» — удивленно спрашивает принявший эту надпись за метаязыковое высказывание посетитель. — «Ленин в Польше», — невозмутимо отвечает экскурсовод. Предметность картины возможна только при отсутствии Ленина и его пребывания, скажем, в Польше. Таким образом, это не мета-

⁷ Жижек С. Указ. соч. — С. 158.

⁸ Там же. — С. 160–162.

язык, а часть предметности картины, язык-объект. Это высказывание представляет, точнее, замещает упущенный репрезентацией объект — Ленина.

Бесконечные суждения, продуктивные тавтологии и непредставимое

Прояснить, что такое этот *метаязык, совпадающий с измерением Реального*, можно, обратившись к анализу **бесконечных суждений**. А заодно и весьма сходных с бесконечными суждениями **продуктивных тавтологий**. Тем самым мы, находясь в предложенном Жижекком контексте сопоставления Канта и Гегеля, расширим его с помощью М. К. Мамардашвили.

Дух это кость, богатство это самость, Бог это Христос — суждения, обретающие смысл при неудаче первого прочтения. Дух это кость — бессмыслица, истинный смысл этого суждения — невозможность репрезентации духа. Неудача указывает на иное измерение, недоступную представлению полноту духа. Но прямым способом определить дух нельзя, — нельзя найти адекватное духу *представление*. Если это было бы возможно, существовал бы и метаязык, поскольку возможна была бы остановка, метаязыковое суждение типа «мой дух это я», «я это я», «я скромн», причем так, что второе Я в суждении Я = Я было бы наглядным представлением. Я как икс есть Я как наглядное представление. Я нахожу себя в этом наглядном представлении. Стадия зеркала, узнавание и отчуждение себя (я — это вот этот образ), потеря и отождествление себя с отражением в зеркале.

Итак, бесконечные суждения, по форме являясь обычными, хотя и абсурдными, суждениями, приобретают свой истинный смысл только при повторном прочтении при условии выхода в иное измерение, не-языковое, «мета-языковое», в измерение непредставимого Реального. Содержание таких феноменов, как дух, бог, самость, невыразимо в форме суждения, структура которого требует наглядного представления, и само событие понимания осуществляется вне структуры представления.

Если бесконечные суждения «нарушают» закон непротиворечия, утверждая в качестве истины конъюнкцию двух несовместимых представлений, то **продуктивные тавтологии** нарушают логический закон тождества, утверждая нетождественность одинакового. Продуктивные тавтологии настаивают, что сказать «свобода это свобода», «добрый человек добр» — значит сказать что-то новое. Это новое — понимание невозможности переопределить эти феномены через что-то другое, понимание того, что внешних причин добра или свободы нет, они могут быть поняты только из самих себя, и они не должны пониматься предметно. Их смысл нельзя найти в структуре предметного определения, смысл этих высказываний ускользает в «мета-измерение» Реального, а не выводится логически как качество наличного предмета. Предметное множество пусто, когда мы говорим «добрый человек».

В событии «*мыслью, следовательно, существую*» нет двух мест — «мыслящего Я» и «существующего Я», которые бы приравнивались, отождествлялись. Но выражение этого мгновения в языке требует структуры суждения, в которой есть два места — субъект и предикат, даже если это тождественные понятия, их надо взять два раза, прежде чем отождествить. Для этого нужна остановка и держание неизменным первый раз взятого понятия, то есть переход в рефлексивную позицию: «возьмем это понятие еще раз», узнавание-отождествление: «да, это в точности то понятие, которое взято нами». Но узнавание-нахождение меня в мысли, выполненное как событие, совершается вне этой структуры представления, конституируемого рефлексией-оглядкой.

Итак, бесконечные суждения и продуктивные тавтологии — короткое замыкание в структуре означающих. Свет «вырубается», представление прерывается, — и мы оказываемся в измерении непредставимого.

Два измерения — два времени

Как различить измерение высказывания и измерение понимания? Различение виртуальности события (условий уравнения) и реальности их решений связано у Делеза с выде-

лением двух измерений времени. Событие, как пишет Делез, всегда только что совершилось или вот-вот совершится, оно никогда не бывает фактом живого настоящего. Можно понять это *живое настоящее* как время, которое какое-то время длится, не сменяется прошлым и не ускользает в будущее, — длящееся настоящее. «Короче, *есть два времени: одно составлено только из сплетающихся настоящих, а другое постоянно разлагается на растянутые прошлые и будущие*»⁹. Это второе время (Эон) — Делез называет временем события.

Два измерения, два параллельных мира: в одном только живое длящееся настоящее, в другом — стремительно разбегающиеся прошлое и будущее. В первом точка Я может быть представлена через зеркальность, метапозицию, во втором — только как отсутствующая, как «Ленин в Польше». Указание на эту темпоральную несоизмеримость представления и непредставимого имеет важные онтологические следствия. Она объясняет тот факт, что событие, как измерение, дополнительное к (его собственному допускающему репрезентацию) содержанию, столь трудно удержать концептуально.

Сопшемся еще раз на анализ Деррида, касающийся производности концепта присутствия, как он сложился в европейской метафизике и феноменологии Гуссерля, от структуры повторения и представления. Приоритет присутствия (перед знаком, который произведен от него) и зависимость присутствия от повторения связано у Гуссерля, как пишет Деррида, с определенной трактовкой темпоральности присутствия. Присутствие предполагает мгновенную (и непосредственную знаками) само-представленность точки Теперь, ее схватывание в мгновение ока, то есть удваивание. «Настоящее самоприсутствия было бы таким же невидимым, как мигание глаза»¹⁰. Деррида показывает, что так понятая темпоральность присутствия связана у Гуссерля с неразличенностью двух настоящих, двух Теперь, только что ушедшего (первичной памяти)

⁹ Делез Ж. Логика смысла. — М.: Издат. центр «Академия», 1995. — С. 85.

¹⁰ Делез Ж. Указ. соч. — С. 81.

и актуального Теперь¹¹. То есть при неучете несоизмеримости двух времен, непрерывного живого настоящего и дискретного (Эон, по Делезу), возникают противоречия. Попытка выделить дискретную точку Теперь в континуальном живом настоящем приводит к удваиванию (как минимум) актуальной точки Теперь.

Живое настоящее как темпоральность представления создает возможность отождествления только что ушедшего, актуального и наступающего Теперь, тем самым делая возможной рефлексивную-оглядку, искусственную остановку, вводит идеальность и репрезентацию. Универсализация опыта живого настоящего и приводит, по мысли Деррида, к подчинению присутствия репрезентации. «Присутствие настоящего производно от повторения, а не наоборот»¹². Это справедливо, как он считает, и применительно к истории метафизики, и к Гуссерлю, справедливо вопреки обратному стремлению — сохранить уникальность присутствия и утвердить производность знака. **Универсализация опыта настоящего состоит в том, что движение от я *есть* к определению моего бытия как *res cogitans* скрывает и маскирует то, что я *есть* совпадает с я *смертен***¹³. Отношение к моей смерти и исчезновению присутствует в опыте живого настоящего, поскольку настоящее *есть* несмотря на мою смертность, настоящее и до, и после меня *есть*. То есть дискретность и различие незаметно присутствуют на периферии опыта живого настоящего и при его универсализации нивелируются.

Деррида не стоит на позиции несоизмеримости двух темпоральностей. Его вывод также укладывается в универсализацию опыта живого настоящего. Обнаруженное вторжение не-Теперь в Теперь, другого в тождественное приводит к выводу о производности присутствия от знака, к оборачиванию терминов, — след первичнее актуальности, старше присутствия¹⁴. Присутствие как само-присутствие возвращается из не-Теперь,

¹¹ Делез Ж. Указ. соч. — С. 88–89.

¹² Деррида Ж. Указ. соч. — С. 72.

¹³ Там же. — С. 75.

¹⁴ Там же. — С. 92.

из настоящего, удержанного ретенцией (первичной памятью). Присутствие настоящего мыслится как возникающее из разворота возвращения, из движения повторения. Таким образом, знаковость уходит от подчиненности присутствию. Но ни присутствие, ни след не становятся событиями иной темпоральности, они остаются подчиненным структуре повторения, означивания, репрезентации. **След, как высвобожденный момент различия, в целом мыслится в структуре означивания как некая (виртуальная) представленность дискретности в непрерывном, как «имманентная» дискретность, как след события в означающем.** Отсюда и метаязык как момент различия и само-дистанцирования языка остается внутри структуры означивания.

Но невозможность выделять *точки* внутри *непрерывности* остается непреодоленной трудностью. Делез более тонко понимает это, выделяя в живом настоящем нечеткие периоды, слитность трех времен. Его интерпретация Различия как уникального события и Повторения как вечно иного, от феноменологии означивания переходит на почву онтологии. Но у Делеза структура репрезентации, представления осуждена окончательно и бесповоротно, вместе с властной новоевропейской субъективностью. Первичной становится субъективность не самоприсутствующая, а захваченная, поглощенная пищеварением (вместо аффицирования). В итоге получается имманентизм на почве дискредитации темпоральности представления.

Как только открывается взаимодополнительность этих параллельных миров, метаязык как чисто внутриязыковое явление ставится под вопрос, поскольку не гарантируется удержание мета-позиции. Взаимодополнительность этих параллельных вселенных проявляется в неконтролируемом переходе из одной в другую. **Высказывание может стать событием, а может остаться лишь выражением представления. Будучи высказанным, событие становится представлением, выговариваемое как представление («я скромн»), может изменить реальность самим фактом и в момент этого выговаривания (сделать скромного гордецом). Перед нами альтернатива ускользающего от представления измерения *Реального* и ста-**

тичного измерения *Представления* ускользнувшего реального — консервы действительности...

Дискредитация метаязыка проявляется как нарушение топологии мысли (термин Мамардашвили) — в измерении события никак нельзя второй раз попасть в «ту же» реку. Нельзя, например, заглянуть в момент «до» открытия законов Ньютона и сказать, что до их открытия и независимо от него эти законы именно в той форме, в какой они были открыты, уже были истинны. «И когда кто-нибудь говорит, что Ньютон открыл угловой момент скорости, и имеет этим в виду объяснить знание отражением действительно присущего физическому движению свойства... то он вводит этим в объяснение сознательного явления... предпосылку, в которой уже содержится знание о мире, являющееся само продуктом ньютоновской физики...»¹⁵. Говоря так о Ньютоне, мы два раза помыслили угловой момент — подсмотрели, заглянули в щелку туда, где еще нас не было, и ньютоновского открытия тоже, и второй раз — на «ту же» реальность посмотрели сквозь призму описанного Ньютоном. А не учли, что факт выговаривания, описания все изменил, — теперь навсегда угловая скорость предстанет перед нами в терминах Ньютона, но только после описания. Так метаязыковое высказывание об истинности описания Ньютоном реальных законов становится незаконным при открытии событийности самого этого описания. Сохраняет ли и в какой области метаязык свою корректность? Есть ли мета-высказывания, *событие* которых влечет истину?

Истинный, но мертвый...

Взаимоисключающая сила этих миров проявляется в том, что требуется смерть субъекта в каждом из них, прежде чем он сможет объявиться в другом. Субъект из измерения Реального должен умереть в мире Представления, слиться со своим зеркальным изображением, он должен перестать влиять на события, замолчать, наконец.

¹⁵ Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. — М.: Лабиринт, 1994. — С. 26.

«Общезначимость понимания» как требование семиотики — противоречие в определении: для общезначимости нужно повторение, а для понимания — выход в измерение уникальности события. Тема повторения возвращает нас к теме знаков.

Неклассическая стратегия — это стратегия событийности, где в принципе ничего повторяющегося быть не может. При этом важно не попасться в ловушку жесткой мета-позиции («все неповторимо, это я могу повторять без конца»), помнить о неконтролируемости смены измерений, отказаться от позиции властителя становления. Цена такой аскезы — непонимание: ничего определенного не сказано, представления не сформированы...

Это сложный выбор между стратегией питания добротными консервами и превращением в «грибного человека», когда пропадает даже минимальная гарантия не отравиться... Правда, если бы не было грибных людей, не было бы и грибных консервов. Ошибка грибного человека — это великое благо для символического порядка культуры.

Среди консервов смысла встречаются несъедобные, недобоваримые, к каковым относятся, в частности, бесконечные суждения и продуктивные тавтологии (и, по-видимому, не только они). Они иницируют представление о возможности питаться неконсервированным смыслом. Отождествить дух с костью или различить тождественную себе свободу — эффект в третьем, в переходе в другое измерение — в продвинувшемся и вынужденном к этому продвижению событии понимания, во взламывании измерения представления. Повторное прочтение предметного высказывания оказывается (если понимание происходит) мета-языковым (если метаязык означает позицию Реального).

Итак, классический субъект живет смертью неклассического, и наоборот. Уже умерший и многократно похороненный, субъект ускользает и от такой определенности, как смерть. Бытие субъекта интермитентно, мерцающе (Мамардашвили).

Выбор между измерением представления и измерением события — это еще и выбор между априорными истинами зеркального субъекта и апостериорными ошибками живого.

Имеется ли заранее (до нашего анализа) «объективный» смысл образа, или таковой отсутствует и постепенно конституируется индивидуальными ошибочными (естественно, ошибочными, ведь пока не с чем сравнивать) прочтениями. То, с чем можно сравнить мое прочтение, возникнет потом, при повторении и конституируемой повторением узнаваемости. С. Жижек: «Не следует искать истинный смысл «Антигоны» в темных глубинах того, «что действительно хотел сказать Софокл»; этот смысл конституируется рядом последовательных прочтений «Антигоны» — то есть *задним числом*, здесь существует структурно не-обходимая *отсрочка*»¹⁶. О том же пишет М. К. Мамардашвили — закон приходит потом, вторым шагом. Знаковость, истина, закон конституируются структурно необходимой ошибкой (Мамардашвили называет это утратой времени). **Благодаря этой отсрочке, этому запаздыванию истины, возможна первовместимость — мир не закончен, мне и моей интерпретации «Антигоны» в нем есть место. Но я и не смогу начать интерпретацию «Антигоны», если априори не предположу уже-наличия в ней всей полноты смысла, так что моя интерпретация останется интерпретацией софокловской «Антигоны».**

¹⁶ Жижек С. Указ. соч. — С. 213.